
УЗБЕКИ В РОССИИ: ПРАКТИКИ АДАПТАЦИИ В ИНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

И.Л. Поздеев, А.А. Арзамазов

Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
ул. Ломоносова, 4, Ижевск, Россия, 426000

В статье рассматриваются проблемы, связанные с адаптацией узбекских мигрантов в России. На примере узбекской диаспоры Удмуртской Республики выявлены и описаны некоторые сценарии вхождения приезжих в иноэтничную среду, проанализированы стратегии экономического приспособления и этнокультурного самосохранения. Устанавливается многомерная взаимосвязанность социально-экономических, демографических, этнокультурных изменений с реальностью миграции. Отражены практики межкультурного и межличностного взаимодействия приезжих и принимающего сообщества. Отмечается, что элементы традиционной культуры, религия, поддержание связей со своими соотечественниками являются одними из основных факторов, способствующих успешной адаптации узбеков. Чувство единения со своим народом дает представителю диаспоры положительное мироощущение, расширяет и укрепляет социальные связи. Как важное условие сбалансированной межкультурной коммуникации «своего» и «другого» рассматривается исторически сложившийся опыт сосуществования в условиях этнического и религиозного многообразия региона. Рассматривая проблемы приспособления мигрантов к инокультурной среде, дается авторское определение понятия «адаптация мигрантов», включающее в себя процесс установления взаимосвязей между личностью и социальной средой, в ходе реализации которого мигрант, исходя из своих потребностей, воспринимает социальные и культурные особенности принимающего сообщества, учитывает их в своей деятельности, а социум в свою очередь выдвигает требования к прибывающим с учетом меняющейся социальной действительности.

Ключевые слова: диаспора; узбеки; демографические процессы; адаптация; трудовая миграция; Удмуртская Республика; межкультурная коммуникация.

Диаспоральные исследования за последние десятилетия стали одними из самых популярных и развивающихся научных направлений в гуманитарной науке. Усиление территориальной мобильности людей (вследствие смягчения миграционных режимов, распада СССР, глобализации рынков труда) вызывает интенсификацию миграционных трансграничных процессов. Страны СНГ, связанные многочисленными и устойчивыми миграционными потоками, образуют единое миграционное пространство, на котором Узбекистан уверенно занял позицию государства-донора. Массовое перемещение населения порождает новые трудности, связанные прежде всего с ростом социальной напряженности, вызванной «разностью культур» между переселенцами и принимающим населением, а также, это уже касается самих мигрантов, поиском путей приспособления и самосохранения в условиях отрыва от своей метрополии [14]. Все это актуализирует необходимость изучения миграционных процессов на территории Российской Федерации (основного принимающего государства на постсоветском пространстве), и прежде всего на локальном уровне. Именно на этом уровне местные жители и приезжие оказываются лицом друг к другу, когда диаспоральные теории превращаются в реальные социальные практики.

В данной работе на примере одного из субъектов Российской Федерации — Удмуртской Республики делается попытка анализа опыта адаптации узбекской диаспоры к условиям иной социокультурной среды в контексте социальных и демографических процессов, протекающих в регионе. Эмпирической основой исследования послужили статистические материалы, опубликованные в печатных средствах массовой информации, информация государственных органов, содержащие данные по социально-экономической и демографической ситуации в регионе, а также результаты опроса мигрантов — граждан Узбекистан и Таджикистана, руководителей национально-культурных общественных организаций, сотрудников Управления федеральной миграционной службы России по Удмуртской Республике, а также людей, непосредственно взаимодействующими с приезжими. Опрос проводился с сентября 2012 г. по декабрь 2014 г. в городах и сельских районах Удмуртской Республики: Ижевске, Глазове, Глазовском и Ярском районах.

Опрос осуществлялся в форме неформализованного интервью, предоставляющего интервьюеру больше самостоятельности в формулировке ответов в зависимости от индивидуальных особенностей опрашиваемого. Цель исследования: выявить особенности адаптационных ресурсов и практик узбекской диаспоры на территории Удмуртии. Длительность проведения исследования обусловлена сложностью вхождения в миграционные сообщества, отличающиеся замкнутостью и языковой изолированностью, а также необходимостью тщательной обработки ответов респондентов, их фиксации с максимальной полнотой, включая особенности лексики, смысловые ассоциации и отклонения от темы опроса. Материалы опроса позволяют раскрыть особенности адаптации мигрантов в многонациональном регионе, показать реакцию принимающего сообщества, обозначить барьеры, затрудняющие вхождение приезжих в местную социально-культурную среду. Собранные материалы были обработаны, систематизированы и сданы в Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (далее — УИИЯЛ Уро РАН).

В диаспорологии пока нет единого подхода к феномену диаспоры [1. С. 30]. Зачастую под этим понятием имеются в виду мигранты, этнорелигиозные группы или этнические меньшинства, проживающие за пределами своего национального государства. Не вдаваясь в подробное рассмотрение дискуссий по данному вопросу, определимся, что в нашем случае термин «узбекская диаспора» употребляется для обозначения этнотерриториальных групп узбеков, компактно или дисперсно локализованных за пределами Узбекистана, сохраняющими осознание родства с соотечественниками из метрополии, однако обладающими специфической идентичностью и культурными особенностями.

Рассматривая проблемы приспособления мигрантов к инокультурной среде, определимся с понятием «адаптация мигрантов», включающем в себя процесс установления взаимосвязей между личностью и социальной средой, в ходе реализации которого мигрант, исходя из своих потребностей, воспринимает социальные и культурные особенности принимающего сообщества и учитывает их в своей деятельности, а социум, в свою очередь, выдвигает требования к прибывающим

с учетом меняющейся социальной действительности. В ходе данного процесса индивид вырабатывает собственные адаптационные стратегии, включающие скопированный или сконструированный личностью способ реализации индивидуального адаптивного потенциала путем оптимального использования всех доступных материальных, физических, интеллектуальных ресурсов, а также социальные связи с целью достижения искомого приспособительного эффекта, который оценивается личностью в качестве необходимого и достаточного [13. С. 28—29]. При этом, думается, стоит расширить ресурсы адаптации, включив в этот список ресурс социальных связей, физические и психологические особенности индивида.

Исторически Удмуртская Республика формировалась как контактная зона трех основных этнокультурных массивов — финно-угорского, славянского и тюркского, что в значительной степени обуславливает сложный этнический состав республики. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., здесь проживает 1 521 420 человек — представителей более 130 национальностей. Первую по численности группу населения составляют русские — 912 539 чел. (62,2%), на втором месте удмурты — 410 584 чел. (28,0%), на третьем — татары — 98 831 чел. (6,7%), далее следуют украинцы — 8332 чел. (0,6%) и марийцы — 8067 чел. (0,6%) [4. С. 10].

Демографическая ситуация в Удмуртской Республике во многом является отражением общероссийских тенденций. Статистика показывает, что начиная с начала 90-х гг. XX в. в республике происходит постепенное сокращение численности населения. За период, прошедший между двумя последними Всероссийскими переписями (2002—2010 гг.), количество жителей республики сократилось на 48 896 (3%) человек [5. С. 3].

Уменьшение населения происходило за счет естественной убыли населения (превышения рождаемости над смертностью), тянувшейся на протяжении многих лет. Ситуация поменялась лишь с 2009 г., когда начался естественный прирост населения. В то же время, несмотря на увеличение рождаемости и сокращение смертности, в Удмуртской Республике наблюдается миграционная убыль населения. По информации органов статистики, начиная с января 2001 г. миграционный прирост населения в регионе стал иметь отрицательное значение. Ежегодно за пределы региона выезжает больше людей, нежели въезжает (в 2012 г. миграционная убыль составила 3913 человек, в 2013 г. — 3448, в 2014 г. — 2177). Отток населения нивелирует позитивные тенденции роста рождаемости. Положительное сальдо миграции сохранялось лишь со странами СНГ: в 2012 г. из стран ближнего зарубежья прибыло 1305 человек, в 2013 г. — 1079 [10], в 2014 г. — 1605, убыло 384, 641 и 836 человек соответственно [11]. Приток мигрантов не может восполнить убыль населения в республике.

Преобладающее большинство приезжих из стран СНГ — граждане Узбекистана. Так, по данным УФМС России по Удмуртской Республике, в 2014 г. выходцы из этой страны составляли 42% от всего количества иностранцев, далее — граждане Азербайджана (10,9%) и Украины (10,8%) [12]. Узбеки прибывают в Удмуртию поездом или самолетом по маршрутам Ташкент — Уфа — Ижевск, Таш-

кент — Казань — Ижевск либо транзитом через Казахстан до Оренбурга, а затем уже на рейсовом автобусе в Ижевск.

В начале 2015 г. приток мигрантов в регион резко уменьшился. Основными причинами стало вступление в силу поправок в миграционное законодательство (введение с 1 января 2015 г. для всех иностранных граждан обязательного въезда в Россию по загранпаспортам и прохождения тестирования по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации), а также экономический кризис. Согласно данным УФМС по Удмуртской Республике, по состоянию на 31 марта 2015 г. на территории Удмуртии законных основаниях находится 3355 граждан Узбекистана.

Выбор Удмуртии в качестве региона-реципиента обусловлен рядом причин. Прежде всего это обладание первоначальной информацией о принимающем сообществе, а также наличие людей, способных помочь в процессе первичной адаптации. Обычно ими выступают родственники, знакомые и те, кто уже получил опыт жизни в регионе: «Дядя у меня тоже здесь. Он после армии здесь остался, женился, отец тоже здесь живет... они позвали меня работать» [7. Л. 19], «Обычно же как: приехал, хорошо устроился здесь, начал зарабатывать, позвал еще троих знакомых. А те своих потом зовут, вот так и растет количество приезжих» [9. Л. 2].

Кроме того, Удмуртия является регионом с благоприятной культурной средой для принятия мигрантов. Сложившийся на протяжении многих веков опыт мирного сосуществования нескольких этносов сделало привычным для местных жителей соседство с людьми, разговаривающими на другом языке, исповедующим другую религию, с иными традициями и обычаями: «*Удмуртия чем хороша? Здесь в межнациональном плане все пока спокойно*» [9. Л. 3].

Среди приезжих Удмуртия считается одним из спокойных в плане межэтнических отношений регионов, в чем, кстати, велика заслуга самих удмуртов: «*Удмуртия как регион очень комфортен для мигрантов. Здесь отношение к ним нормальное. Особенно у удмуртов, они сами говорят нам „а мы сами здесь нерусские“*». Вероятно, позиция представителей титульного этноса является отражением ассимиляционных процессов, идущих в удмуртском обществе [3. С. 84].

Отмечают мигранты также лояльное отношение сотрудников правоохранительных органов: «*Милиционер поймает, сразу документы показываем и все нормально, идите. Здесь гораздо спокойнее, чем в Москве*» [7. Л. 21]. В то же время приезжие узбеки не защищены от криминальных посягательств. В 2014 г. 17 граждан Узбекистана были признаны потерпевшими, преступления главным образом совершались против собственности [12].

Опросы узбекских рабочих показали, что основной целью их приезда является заработок для содержания семей на родине. Исходя из этого выстраиваются и соответствующие стратегии адаптации: быстрое и успешное включение в рынок труда, решение проблем с жильем, оформлением документов, налаживанием социальных связей с ближайшим окружением.

Интересно, что задачу интеграции в принимающее сообщество большинство узбеков для себя не ставит, понимая временность своего пребывания в России.

Как сами они говорят, *«душа-то в Узбекистане находится»*. Во многом именно стремление достойно содержать семью толкает их на выезд за границу: *«Я тут, семья в Узбекистане. Я тут думаю о семье, отправляю им денег, чтобы они не мучились. Деньги есть, значит, будут жить»* [7. Л. 25].

Стоит особо отметить, что в регионе вырисовываются две различных стратегии адаптации для приезжих в республику из стран Южного Кавказа (главным образом Армении и Азербайджана) и представителей стран Средней Азии (Узбекистана и Таджикистана): иммиграция и трудовая миграция.

Иммигранты нацелены не только на первичную адаптацию, но и интеграцию в принимающее сообщество, они стремятся получить гражданство России, дать детям приемлемое образование, ввести своих земляков в государственные органы. Трудовые мигранты устанавливают взаимосвязи и приспособляются прежде всего к требованиям социальных групп, в которых они находятся в непосредственном контакте (трудовой коллектив, родственники, новые друзья и т.д.). Пребывание большинства узбеков в России носит временный характер, хотя в ходе исследования выяснилось, что некоторые из них работают в нашей стране уже более 10 лет.

Для мигранта приезд в Россию является серьезным испытанием человеческих сил и возможностей, требующим также и серьезных финансовых затрат. Вот как описывает свой приезд в Удмуртию гражданин Узбекистана Р.Т. Таджибаев: *«Когда я в Ижевск приехал в первый раз, денег не было вообще. Нас 3 человека было. У меня долг был, папа деньги отправлял — 50 тыс. руб. Вот я думал, как я буду работать, как зарабатывать, чтобы деньги были. Вот потом месяц работал. Заработал деньги, отцу отправил»* [7. Л. 23].

Отметим, что с каждым годом необходимая сумма только увеличивается. В 2015 г. расходы выросли в связи с необходимостью сдачи комплексного экзамена и получения сертификата.

Мигранты, прибывая в Удмуртскую Республику, встраиваются в сложившуюся систему этнической стратификации, занимая свою экономическую нишу: армяне главным образом представлены в строительном бизнесе, в сфере общественного питания; азербайджанцы — в рыночной торговле, узбеки и таджики в основной своей массе вынуждены заниматься низкоквалифицированным трудом на стройках. Поэтому одним из факторов, повлиявших на рост количества приезжих в регион из Узбекистана в 2011—2014 гг., стало интенсивное экономическое развитие Удмуртии, прежде всего в строительной отрасли.

Отличительной особенностью последних лет стал приезд женщин из Узбекистана: *«Сейчас в Удмуртию много женщин начинает приезжать, и с семьями, и самостоятельно. Многие часто едут после того, как их мужей депортируют. Или бывают ситуации, когда муж умер или заболел»* [9. Л. 2]. Отсутствие у большинства из них знаний русского языка, образования приводит к тому, что они занимают малооплачиваемые рабочие места, на которые местные жители не идут работать: уборщицами, посудомойщицами, домработницами. Работают обычно в крупных магазинах, на строительных и плодоовощных оптовых базах, на пред-

приятнях общественного питания. Однако их деятельность осуществляется под присмотром: *«Всегда за ними должен или мужчина присматривать — отец, брат, племянник — или подружки. А иначе как? Это же женщины»* [9. Л. 2].

Среднеазиатские мигранты, составляющие подавляющую часть временной трудовой миграции в регион, привлекательны для работодателей своим трудолюбием, возможностью интенсивной эксплуатации, большей правовой зависимостью от работодателя, нежели местные работники. Кроме того, работодатель несет гораздо меньшую ответственность за приезжих работников. Так, одной из наиболее серьезных проблем является высокий травматизм среди рабочих на стройках и в то же время отсутствие возможности получить полноценную медицинскую помощь: *«Если несчастье случается, где-то упадешь, скорую вызовешь, первую медицинскую помощь окажут и все. А в больницу идешь, они не смотрят на тебя, сразу на платный прием идешь, деньгами решаешь. С этим тяжело. Дорого выходит»* [7. Л. 28]. При этом работодатель практически не несет какой-либо ответственности, все лечение за счет мигранта.

Граждане Узбекистана обычно приезжают по приглашению строительной организации либо устраиваются на работу через людей, уже работающих в компаниях. Компания, заинтересованная в наличии рабочих рук, помогает с оформлением документов в ФМС, прохождением медосмотра (правда, не бесплатно): *«Фирма документы сделает, потом едешь в Миграционную службу. Там направление дают. Потом в больницу надо на медосмотр, в 4 больницы. На документы идет в общем 10 тыс. руб. за год»* [7. Л. 21]. Большинство рабочих живут на снимаемых фирмой квартирах вблизи строящегося объекта, либо в вагончиках-бытовках на стройке, что способствует их рассеиванию среди местного населения, без образования мигрантских анклавов.

Забора строительных компаний о приезжих вполне объяснима: рабочий день узбекских рабочих составляет примерно 12 часов. При этом, в отличие от местных жителей, они практически не употребляют алкоголь в рабочее время. Средняя заработная плата в 2012—2013 г. составляла примерно 25—30 тысяч рублей, в зависимости от выполняемых работ. Из них ежемесячно семьям на родину пересылалось около 500 долларов (15 тысяч рублей) (*«у нас на эти деньги три месяца очень хорошо жить можно»*). Оставшиеся деньги уходили на питание, аренду жилья, покупку одежды, проведение досуга и т.д. Так, слесарь Отабек Надаминов, работающий в автоцентре Uz-Daewoo, отметил, что его заработная плата на конец 2014 — начало 2015 г. составляла 30—40 тысяч рублей в месяц. Но, по его словам, этого мало, хватает только на текущие расходы: *«Я еще семью сюда привез, жену и двоих маленьких детей. На родину денег отправлять не хватает»* [9. Л. 9]. Поэтому он, помимо основной работы, вынужден заниматься подработкой: *«Мы подрабатываем — перепродаем машины, у меня сейчас две на продаже стоят. Раньше еще в такси машины сдавали в аренду, сейчас это невыгодно»* [9. Л. 9].

Строители не отказываются от дополнительного заработка (кальма, как здесь говорят) у частных лиц. Трудолюбие мигрантов способствует и налаживанию хороших контактов с непосредственным руководством: *«Начальник был у нас и го-*

ворил, что чем работать с русскими, с вами работать хорошо... мы усиленно работаем, за 6 месяцев 17 этажей закончили» [7. Л. 21].

Однако экономический кризис внес свои коррективы.

В-первых, выросший практически в два раза курс доллара по отношению к рублю привел к реальному падению дохода мигрантов: чтоб отправить домой 500 долларов, теперь нужно отдать свыше 30 тысяч рублей. В-вторых, оказавшиеся в сложной экономической ситуации строительные организации стали урезать и задерживать выплату зарплаты. Естественно, мигранты, как наименее защищенная часть работников, оказалась наиболее ущемленной.

Как отмечают респонденты, некоторые бригады узбеков были вынуждены проводить однодневные забастовки. К тому же работодатели стали диктовать свои условия («куда вы от нас денетесь»), поскольку по новым правилам, чтоб уйти в другую организацию, мигрантам необходимо заново оформлять разрешение на работу, что несет дополнительные расходы (к примеру, за процедуру сдачи комплексного экзамена взимается плата свыше 5 тыс. рублей). Все это приводит к сокращению миграционного потока в регион, и негативным образом сказывается на криминогенной ситуации в республике. Бывают моменты, когда доведенные до крайности мигранты вынуждены идти на преступления.

Как видим, граждане Узбекистана, приезжая в Россию, сталкиваются с множеством трудностей. И здесь едва ли не главную роль играет наличие людей и структур, способных оказать поддержку в новых непривычных условиях. На данный момент в регионе складывается социальная инфраструктура, способствующая адаптации трудовых мигрантов, в рамках которой осуществляется информирование о ситуации в регионе, облегчение трудоустройства, поиска жилья, оформления документов, обеспечения досуга и др. Она включает в себя родственников и знакомых, уже живущих в Удмуртской Республике, организации и фирмы, осуществляющие прием на работу и взаимодействие с органами ФМС и МВД, сеть кафе с традиционной для приезжих музыкой и кухней. Входят сюда и общественные организации, создание которых санкционировано республиканскими властями.

Диаспора — состояние отдельного человека, «жизнь социального атома (этнического индивида) на чужбине в иноэтнической среде... оно означает отрыв и рассеяние отдельного человека» [16. С. 147]. И индивиду в условиях инокультурного окружения жизненно необходимо ощущать принадлежность к определенной социальной общности, испытывать чувство эмоциональной близости к людям, относящимся к той же культуре. Не зря диаспороведы отмечают, что «механизмом выживания диаспоры кроется в непрерывном производстве маркеров различия» [15. С. 34]. Идентификация с узбекским этносом, осознание принадлежности к народу с уникальными историческими корнями, своеобразными традициями и обычаями, способствует скорейшему привыканию к изменившимся условиям.

Для узбеков Удмуртии важным является практически все, что идентифицирует их с узбекской культурой, прежде всего традиционная узбекская кухня, уз-

бекский язык и ислам. В этой связи стоит отметить увеличившееся количество ресторанов и кафе с восточной кухней (к примеру, «Самарканд», «Лайлак», «Малика» и др.), которые стали популярны не только среди приезжих, но и местных жителей. Традиционная пища готовится также на праздники, среди которых ведущими являются Курбан-Байрам, Навруз-Байрам, а также День независимости Узбекистана: *«Мы плов делаем, шашлыки, отдыхаем... У нас традиционная еда, в первую очередь, это плов и бараний суп. Еще делаем манты, самсу. Плов у нас делают с бараньим жиром, а у вас масло подсолнечное, у нас из хлопка отжимают. Из-за этого вкусно»* [7. Л. 22].

Одним из важнейших внутренних стимулов функционирования узбекской диаспоры в Республике Удмуртия является стремление приезжих разговаривать на родном языке.

Узбекский язык представляется главным объединяющим фактором — именно в контексте языковой общности осознают свое этническое единство граждане разных стран (Узбекистана, Кыргызстана, России). Вместе с тем нельзя не отметить, что далеко не все мигранты владеют литературным узбекским языком. Это связано и с «диалектной раздробленностью» самого языка, и с низким уровнем образования многих его носителей.

Примечательно, что абсолютное большинство мигрантов ориентировано на кириллический вариант узбекского алфавита, переход на латинский алфавит в целом воспринимается достаточно сложно.

На фоне интенсивно протекающей межкультурной коммуникации растет интерес к узбекскому языку — это не только региональная, но и общероссийская тенденция. Очевидна потребность в создании новых учебников, словарей, разговорников, учитывающих взаимный узбекско-российский лингвокультурный интерес. К примеру, в рамках работы центра «Антропологии диаспор» при УИИЯЛ УрО РАН был разработан и написан самоучитель узбекского языка, широко востребованный как среди приезжих, так и среди местного населения [2].

Приток значительного количества мигрантов из Средней Азии, которые практически все являются верующими мусульманами, изменил религиозную ситуацию в регионе. Если раньше основную массу мусульман представляли местные татары, то сейчас это выходцы из Узбекистана, Таджикистана и Азербайджана. При этом приезжие зачастую более набожны, нежели местные мусульмане: *«Каждую пятницу я хожу в мечеть на ул. Азина, ну и по праздникам мусульманским тоже хожу. Еще у нас здесь (в здании автосервиса) есть молельная комната, мы там делаем намаз пять раз в день»* [79. Л. 9]. Кроме того, многих смущают сложившиеся здесь порядки. Вот какими наблюдениями поделился А.О. Муртозаев: *«Часто на праздники в мечеть ходим, на Курбан-байрам, Ураза-байрам. Вот только многие, кто приезжает недавно, очень удивляются здешним нравам. У нас вот в мечети на празднике женщины отдельно, мужчины отдельно, даже не взглянешь в их сторону. А тут мулла выходит после молитвы, всех поздравляет с праздником, может подойти к знакомым женщинам, обнять их. Мои узбеки говорят: «Аке, как это можно так делать?»* [9. Л. 3—4].

Поскольку основное окружение трудовых мигрантов представлено трудовым коллективом, дни заполнены трудом, поэтому общение с местными жителями объективно затруднено. С одной стороны, поскольку интегрироваться в общество они не собираются, то для них это вполне приемлемый вариант, но с другой стороны, успешная адаптация требует установления контактов не только в своей микросреде, но и взаимодействие с местными жителями, к примеру, для поиска дополнительного приработка. Немаловажную роль в этом играет языковая и религиозная близость с татарами — третьим по численности этносом в Удмуртской Республике. *«У нас многие в мечеть ходят, там, кстати, и с татарами знакомятся. У нас с ними много общего в языке, в религии, это помогает общению, дружбе»* [9. Л. 3].

Думается, религиозное родство может послужить серьезным фактором для налаживания дружеских взаимоотношений с мигрантами, адаптации и интеграции их в местное сообщество, благо, что мусульманские организации предоставлены достаточно широко: в регионе функционирует 24 мечети, сеть воскресных школ; выпускается газета «Муслим» на татарском языке [6. С. 103].

Близость языков также способствует сближению между людьми. Как отмечают сами мигранты, друзья у них есть и среди русских, и среди удмуртов, но с татарами легче общаться. Это помогает и в трудовой деятельности: *«Наши начальники татары, они мусульмане, мы тоже мусульмане»* [7. Л. 24].

В то же время религиозный фактор не всегда служит интегрирующей силой. Так, те же таджики неохотно общаются с татарами: *«Среди местных нам ближе удмурты, нежели местные татары. Татар таджики не любят, и язык и у нас непохожий, и хоть они и мусульмане, но мало среди них истинно верующих — и это отталкивает. Азербайджанцы в этом плане нам ближе»* [9. Л. 10].

Представители миграционных сообществ влияют также на половую диспропорцию, сложившуюся в Удмуртии, а именно — превышение численности женщин над численностью мужчин: по данным последней переписи населения на 1000 мужчин в республике приходится 1175 женщин [5. С. 4—5]. Диспропорция обусловлена высокой смертностью среди мужчин, вызванной повышенным травматизмом, болезнями, асоциальным образом жизни. Поэтому часто женщине среднего возраста, особенно с детьми, сложно найти здорового, способного зарабатывать спутника жизни. В этом случае представители мигрантского сообщества зачастую становятся единственной такой возможностью.

Длительное проживание вне семьи трудоспособных мужчин заставляет их завязывать знакомства с женщинами. Мигранты охотно общаются с местными девушками, в том числе и значительно старше их, но случаи заключения брака единичны. Респондент Г.М. Васильева, уйдя с двумя детьми от прежнего мужа к гражданину Узбекистана, рассказывает: *«Они от наших мужчин всем буквально отличаются. У них принято женщин не обижать, поэтому ни физически, ни морально они не унижат и не обижают. Мой ласковые слова всегда говорит, чего от прежнего мужа за 20 лет я не дождалась. К бывшему мужу снова возвращаться не хочу, от него за 20 лет ласкового слова не дождалась, да и пьет он в неделю раза 3—4 стабильно»* [8. Л. 28]. Также интервьюер отметила, что негативного отношения со стороны родственников, знакомых и соседей она прак-

тически не встречала, наоборот, многие ее поддержали: *«Мы тебя не осуждаем, лишь бы тебе было хорошо»* [8. Л. 28].

Стоит отметить, что при таком совместном проживании детей заводят мало. При сборе полевого материала интервьюеры смогли назвать только один случай, когда русская женщина родила от мигранта: *«Одна русская девушка родила от моего друга. Живут сейчас вместе, но бросит ее или продолжит жить вместе — пока не знаю»* [7. Л. 26]. И такое демографическое поведение вполне объяснимо. С одной стороны, приездом дополнительная ответственность и расходы не нужны, к тому же у них обычно уже есть дети. С другой стороны, женщины, понимая шаткость и нестабильность своего положения, также осторожны в своих решениях: *«Если бы была квартира и знала бы точно, что он здесь останется, то родила бы»* [8. Л. 29].

Отсутствие необходимости в активной интеграции в местное сообщество, плохое знание у большинства приезжих русского языка, низкий социальный статус мигранта приводит к тому, что мигранты неохотно обращаются к официальным органам, только в крайней необходимости, например, при оформлении документов в миграционной службе, обращении в полицию и т.д.

Взаимоотношения внутри диаспоры выстраиваются в соответствии привычными для узбеков обычаями и нормами поведения. Как правило, они приспособливают традиционные нормы метрополии к условиям диаспоры.

Ключевым институтом при регулировании внутренней жизни узбекской общины выступает институт старейшин. Вот что говорят сами узбеки: *«В Узбекистане очень уважительно относятся к старшим, к старикам-аксакалам. Это сохраняется и здесь»*.

Аксакалы выступают активными участниками обрядов, связанных с жизнью человека: поминок, рождения ребенка, празднование Ураза-байрама, Курбан-байрама и др.

Старейшины-аксакалы — это мужчины, обычно наиболее старшие и уважаемые члены узбекского общества. К ним часто обращаются при регулировании спорных моментов внутри диаспоры. Иллюстрацией тому может служить следующая ситуация, описанная А.О. Муртозаевым: *«Вот мы недавно тут в офисе сидели, разбирались. Ругались, конечно, но потом все разрешилось. Они же (узбеки — прим. авт.), кто приезжает оттуда сюда, думают, что их тут все ждут и им тут должны все обеспечить. Один приехал, его сюда позвали, а оказалось, что пригласивший куда-то пропал. Ладно, другой хороший человек попался, кормил его, приютил, заплатил пошлины, помог решить вопросы с разрешением, устроил на работу. И потом попросил заплатить за это. Тот, приезжий отказывается, говорит, что его сами сюда пригласили. Его спрашиваешь, кто тебя пригласил? Махмуд! Вот пусть Махмуд потом тебе деньги и отдаст, а сейчас смотри: человек тебя приютил, кормил, деньги на решение вопросов с документами дал, пошлины платил? Платил. Так отдай ему те деньги, которые он потратил на тебя. Ну вот и договорились, 19 тысяч тот должен будет отдать»* [9. Л. 4].

Решения такого «третьего суда» обязательны для сторон спора. Каких-либо санкций, аналогичных норме права, здесь не предусмотрено, в данном случае речь идет скорее о норме морали, где главным регулятором выступает личное убеждение и общественное мнение.

Относительная немногочисленность и замкнутость диаспоры является гарантом исполнения обязательств, поскольку в ином случае он будет подвергнут общественному неодобрению, формированию негативного отношения, что ведет к социальному изолированию среди соотечественников. В условиях иноэтничного окружения такое положение часто делает жизнь мигранта психологически невыносимой, вынуждая его перебраться либо в другой регион России, либо вернуться на родину, что также ведет к материальным расходам и потере авторитета.

Основным регулятором общественных отношений в диаспоре выступают узбекские обычаи, являющиеся квинтэссенцией выражения группового опыта выживания этноса. Обычное право различных этнических групп актуализируется и усиливается в критических ситуациях, в том числе при невозможности регулирования общественных отношений правовыми нормами. Именно нахождение диаспоры в инокультурном, непонятном, часто агрессивно настроенном окружении вынуждает ее членов обращаться к традиционным способам социального регулирования. Стремясь сохранить свою этническую идентичность, они пытаются опираться на нормы обычного права, характерные для их метрополии. В то же время необходимо быть аккуратным в оценке роли обычного права применительно к современным условиям, поскольку далеко не всякая традиционная норма дает положительный социальный эффект. В частности, в узбекской диаспоре Удмуртии большую роль начинают играть обеспеченные узбеки, оказывающие огромное влияние в личных интересах на местное сообщество. В том числе это отражается в стремлении заработать на соотечественниках, приезжающих из Узбекистана, выстраивании коррупционных схем во взаимоотношениях с местными органами власти. В итоге складывается такая ситуация, что в погоне за прибылью значение традиционных норм и ценностей уходит на второй план.

Необходимость адаптации к жизни в непривычных условиях заставляет узбеков обращаться к традиционной культуре. Этническое самосознание, осознание принадлежности к самобытной узбекской культуре способствует объединению узбеков. Чувство единения со своим народом, имеющим отличную от других историю, культуру, язык и менталитет, дает человеку положительное мироощущение, чувство стабильности и полноценности бытия. Поэтому для иностранного гражданина важнейшими факторами адаптации, особенно на первых порах, становится традиционная культура, религия, связь со своими соотечественниками. Возможность общения на родном языке уже способствует психологической разгрузке мигранта, возможности поделиться своими заботами и переживаниями, получить поддержку.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Адидеран А.М.* Ключевые вехи становления современной теории миграции в работах западных ученых XX в. // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2015. № 1.
- [2] *Арзамасов А.А.* Узбекский язык: самоучитель. М., 2015.

- [3] *Васина Т.А., Поздеев И.Л.* Адаптационные ресурсы и практики городских удмуртов // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2011. № 3.
- [4] *Воронцов В.С.* Национальный состав и демографические характеристики населения Удмуртской Республики // Удмуртская Республика: историко-этнографические очерки. Ижевск, 2012.
- [5] Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Ижевск, 2011.
- [6] Межэтнические и конфессиональные отношения в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад. М., Ижевск, 2013.
- [7] Научно-отраслевой архив УИИЯЛ Уро РАН, Рукописный фонд. Опись 2-Н, Дело 1610.
- [8] Научно-отраслевой архив УИИЯЛ Уро РАН, Рукописный фонд. Опись 2-Н, Дело 1637.
- [9] Научно-отраслевой архив УИИЯЛ Уро РАН, Рукописный фонд. Опись 2-Н, Дело 1648.
- [10] Общие итоги миграции населения за январь-декабрь 2013 года // URL: http://udmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/udmstat/ru/statistics/population.
- [11] Общие итоги миграции населения за 2014 год // URL: http://udmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/udmstat/resources/9776af0047bf6038b227b6ed3bc4492f/%D0%9C%D0%B8%D0%B3%D1%80_2014.pdf.
- [12] О миграционной ситуации на территории Удмуртской Республики за 2014 г. и перспективы ее развития в 2015 г.: официальный доклад УФМС по Удмуртской Республике на заседании Общественно-консультативного совета 12.03.2015 г.
- [13] *Поздеев И.Л.* Проблемы адаптации трудовых мигрантов из государств Средней Азии в полиэтничном регионе // Социум и власть. 2014. № 1.
- [14] *Пузанова Ж.В.* Исследование этнической толерантности в полиэтничной молодежной среде РУДН // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2010. № 4.
- [15] Теория диаспор глазами отцов-основателей: интервью с Х. Тололяном // Новое литературное обозрение. 2014. № 127.
- [16] *Фадеева М.А.* Диаспора и состояние этнического индивида // Диаспоры. 2004. № 2.

UZBEKS IN RUSSIA: PRACTICES OF ADAPTATION IN A FOREIGN LANGUAGE ENVIRONMENT

I.L. Pozdeev, A.A. Arzamazov

Udmurt Institute of History, Language and Literature
Ural branch of the Russian Academy of Sciences
Lomonosov str., 4, Izhevsk, Russia, 426000

The article considers the problems of adaptation of the Uzbek migrants in Russia. The authors analyze mechanisms of entering the other ethnic environment, strategies of migrants' economic adaptation and ethno-cultural self-preservation on the example of the Uzbek diaspora in the Udmurt Republic. The article describes the practices of intercultural and interpersonal interaction between migrants and the host community in the region, underlining that the elements of traditional culture, religion, and social networks with compatriots are the main factors of the successful adaptation of Uzbeks in Russia. The feeling of unity with one's people guarantees the representatives of diaspora a positive perception of the world, expands and strengthens social ties with members of the ethnic group. The authors believe that the historical experience of the coexistence under the ethnic and religious diversity of the region is an important condition

for a balanced cross-cultural communication with the “other”; and, considering the problems of adaptation of migrants to the cultural environment, introduce their own definition of the notion “adaptation of migrants” that includes the process of establishing relationships between an individual and the social environment, in the course of which the migrant worker, according to his needs, learns and accepts social and cultural characteristics of the host community, takes them into account in his activities; and the society, in its turn, presents claims to migrants according to the changing social reality.

Key words: diaspora; Uzbeks; demographic processes; adaptation; labor migration; the Udmurt Republic; cross-cultural communication.

REFERENCES

- [1] *Adediran A.M.* Kljuचेvye vehi stanovlenija sovremennoj teorii migracii v rabotah zapadnyh uchenyh XX v. [Milestones of the history of modern Western theory of migration]. *Vestnik RUDN. Serija “Sociologija”*. 2015. № 1.
- [2] *Arzamazov A.A.* Uzbekskij jazyk: samouchitel' [Uzbek Language: Tutorial.] M., 2015.
- [3] *Vasina T.A., Pozdeev I.L.* Adaptacionnye resursy i praktiki gorodskih udmurtov [Adaptation resources and practices of the urban Udmurts]. *Vestnik RUDN. Serija “Sociologija”*. 2011. № 3.
- [4] *Voroncov V.S.* Nacional'nyj sostav i demograficheskie harakteristiki naselenija Udmurtskoj Respubliki [Ethnic composition and demographic characteristics of the population of the Udmurt Republic]. *Udmurtskaja Respublika: istoriko-jetnograficheskie oчерki*. Izhevsk, 2012.
- [5] Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda [Results of the National Census of 2010]. Izhevsk, 2011.
- [6] Mezhhjetnicheskie i konfessional'nye otnoshenija v Privozhskom federal'nom okruge. Ekspertnyj doklad [Ethnic and Confessional Relations in the Volga Federal District. Expert Report]. M., Izhevsk, 2013.
- [7] Nauchno-otraslevoj arhiv Udmurtskogo instituta istorii, jazyka i literatury UrO RAN, Rukopisnyj fond. Opis' 2-N, Delo 1610 [Research and Industry archive of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Manuscripts fund. 2-N. Case 1610].
- [8] Nauchno-otraslevoj arhiv Udmurtskogo instituta istorii, jazyka i literatury UrO RAN, Rukopisnyj fond. Opis' 2-N, Delo 1637 [Research and Industry archive of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Manuscripts fund. 2-N. 1637].
- [8] Nauchno-otraslevoj arhiv Udmurtskogo instituta istorii, jazyka i literatury UrO RAN, Rukopisnyj fond. Opis' 2-N, Delo 1648 [Research and Industry archive of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Manuscripts fund. 2-N. 1648].
- [10] Obshhie itogi migracii naselenija za janvar-dekabr 2013 goda [The results of the migration in January — December 2013]. URL: http://udmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/udmstat/ru/statistics/population.
- [11] Obshhie itogi migracii naselenija za 2014 god [The results of the migration in 2014]. URL: http://udmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/udmstat/resources/9776af0047bf6038b227b6ed3bc4492f%0D%09C%0D%0B8%0D%0B3%0D%0D1%80_2014.pdf.
- [12] O migracionnoj situacii na territorii Udmurtskoj Respubliki za 2014 g. i perspektivy ee razvitija v 2015 g.: oficial'nyj doklad UFMS po Udmurtskoj Respublike na zasedanii Obshhestvenno-konsul'tativnogo soveta 12.03.2015 g. [On the migration situation in the Udmurt Republic in 2014 and the prospects for its development in 2015: Official report of the Federal Migration Service of the Udmurt Republic at the meeting of Public Advisory Council on 03.12.2015].
- [13] *Pozdeev I.L.* Problemy adaptacii trudovyh migrantov iz gosudarstv Srednej Azii v polijetnichnom regione [Problems of the adaptation of labor migrants from Central Asia in the multiethnic region] // *Socium i vlast*. 2014. № 1.

- [14] *Puzanova Zh.V.* Issledovanie etnicheskoj tolerantnosti v polijetnichnoj molodezhnoj srede RUDN [A study of ethnic tolerance in the polyethnic youth community of PFUR]. *Vestnik RUDN. Serija "Sociologija"*. 2010. № 4.
- [15] Teorija diaspor glazami otcov-osnovatelej: interv'ju s H. Tololjanom [Theory of diasporas from the founding fathers' point of view: An interview with H. Tololyan]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2014. № 127.
- [16] *Fadeicheva M.A.* Diaspora i sostojanie etnicheskogo individa [Diaspora and the state of an ethnic individual] // *Diaspory*. 2004. № 2.